

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ НАЦИОНАЛ-СЕПАРАТИЗМА

Усилия, предпринимаемые «мировым сообществом» по демонтажу Российского государства, начатые еще в начале XX века, похоже, входят в свою решающую стадию. При этом политико-идеологический враг «сменил вехи». сегодня евроатлантизм делает ставку на противопоставление всего национального всему государственному и имперскому

Усилия, предпринимаемые «мировым сообществом» по демонтажу Российского государства, начатые еще в начале XX века, похоже, входят в свою решающую стадию. В свое время еще Фридрих Энгельс писал: «Ни одна революция в Европе и во всем мире не сможет достичь окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство». Это относится не только к «пролетарско-коммунистическому» революционному объединению мира, о котором писал «классик марксизма», захлебнувшегося именно в России, но и к наследующему ему объединению нынешнему, «под скипетром» посткапиталистического и одновременно посткоммунистического глобализма. Россия по-прежнему является «катехоном», «удерживающим ныне», и этим все сказано. При этом если в советское время борьба против исторической России велась под видом борьбы с коммунизмом, который уже с середины 30-х годов прошлого века был лишь внешним, лишенным внутренней сущности прикрытием исторической государственности, то сегодня все предельно обнажено – сама Россия приговорена к уничтожению, и этого, собственно, никто не скрывает.

При этом политико-идеологический враг «сменил вехи». Если на протяжении многих десятилетий «российское государство» и «русский национализм» были для него понятиями тождественными – российское государство, как царское, так и советское, отождествлялось именно с русским национализмом, что было собственно политикой апелляции к левому, социалистическому и антифашистскому дискурсу – то сегодня евроатлантизм делает ставку на противопоставление всего национального всему государственному и имперскому. Внешне это впервые проявилось на «Русском марше» 2006 года, когда открыто обнажились два направления – «имперское» и «этнонационалистическое», причем последнее было отождествлено с «европейским выбором» для России и введено в один контекст с тоже в значительной степени этнонационалистической (равно как и антиимперской) «оранжевой революцией» на Украине, «блистательно проигранной» российскими политтехнологами (Г.Павловским, Ст.Белковским). Тогда же началось и сближение «этнонационалистов» с либералами. Временное? Ничего не бывает столь постоянным, как временное. Тем более, что «новая формула» русского национализма предусматривала «перемену образа врага» – отныне этот образ был вменен не древнему, «причинному» врагу, а «следственным» противникам – мигрантам, преимущественно из мусульманских регионов. Запад при этом впервые отказался от, казалось бы, незыблемого своего «антифашизма» и стал выступать, используя национал-социалистическую символику и идеологию, прежде всего в странах Балтии и на Украине, при том, что из национал-социализма также оказалось изъято его «самое само» – он стал направлен теперь только против т.н. «совка», под которым ныне уже понималась не только и не столько советская жизнь, сколько *вся история России*.

Очень осторожно, но был начал эксперимент – после полного провала эксперимента либерального – с «русским национализмом». И одновременно глубинная метаморфоза самого национализма. Главная идея была очень проста и понятна: русским следует самим «отделиться» от своего государства, на протяжении всей его истории защищавшей «азиатов» и «иностранцев» и воссоединиться с «белой Европой» и «белой Америкой», что было впервые уже открыто явлено на «Русском марше-2008», когда его участники шли не только под флагами своих организаций, но и под британским флагом и американским. Истории Московской Руси, Российской Империи и

Советского Союза была противопоставлена «альтернативная» история «Вольного Новгорода», а традиционному змееборческому гербу – образ самого «змия» – якобы обитающий доныне в волховских глубинах упоминавшийся в летописях «зверь крокодил» – на самом деле символ хаоса и «нижних вод». В то время как собственно германский национал-социализм, с которого призывалось брать пример, выступал в истории именно как идеология укрощения хаоса, а нация как раз отождествлялась с государством. Так один за другим начались идеологические подлоги. В результате такой «селекции» родилось «дитя-монстр» – псевдорусский сепаратизм или, как его еще называют, «сепаратизм русских субэтносов». Особо следует отметить, что не только сепаратизм как проблема, но и сам факт его существования стал для самой власти и даже печати – все шло в основном через интернет – абсолютной «фигурой умолчания», подобно тому, как в советские годы «фигурой умолчания» был сам национальный вопрос: чем обернулось это для СССР, хорошо известно. Склонность бюрократии не решать проблемы, а загонять их внутрь, откладывая «на потом», здесь проявляется со всею очевидностью. Однако «потом» будет слишком внезапно и слишком поздно. Преступно поздно.

«Как ни парадоксально, в широкой дискуссии о проблеме сепаратизма не заинтересована ни одна из политических сил (системных! – В.К.), – пишут на портале «Русская цивилизация» Михаил Виноградов и Андрей Ядыкин . – “Партии власти” вроде бы выгодно демонстрировать угрозу сепаратизма в России, дабы объединять население вокруг власти перед лицом этой угрозы». Но само признание существования сепаратистов будет выглядеть как прокол нынешней власти. Коммунисты хотели бы использовать сепаратистов для демонстрации «самоубийственного» характера политики действующей власти, но сакральность имперских (разумеется, в их советском прочтении – В.К.) ценностей для левых не позволяет им использовать исторический опыт большевиков по заключению союзов с националистами. Нелегко и правым (разумеется, в сегодняшнем смысле слова, то есть, либералам, а не консерваторам – В.К.), которые видят в сепаратизме исключительно попытки местных элит законсервировать существующую модель государственного капитализма и воспрепятствовать проводимым из Центра “целительным” экономическим реформам». Таким образом, система в целом – как власть, так и «системная оппозиция» – заинтересованы именно в том, чтобы ничего не делать и ничего не решать. Но тем сильнее и страшнее будут последствия прорыва в кровь гноя этой абсцедирующей опухоли.

Идеологическое обоснование идеи «русского» – псевдорусского на самом деле – сепаратизма активнейшим образом осуществляется, как уже было указано выше, сегодня в интернете – «под знаком новгородского крокодила», ставшего парадоксальным паролем всех сепаратистов. Следует при этом указать на глубокую традиционность *suī generis* этого баснословного существа. Глубоко исследовавший змееборческую и змеепоклонническую символику Алексей Комогорцев указывал, что «змееборчество как акцентированно родовой (династический культ был легитимизирован в новой (христианской) религиозной парадигме через образ св. Георгия Победоносца. К числу древнейших антагонистов этого культа можно отнести, в частности, культ *Змееды-праматери* и культ *ящера-коркодела*, распространенный некогда на севере европейской части России и в Приуралье» («Волшебная гора», М., XIII, 2007). При этом А.Комогорцев отмечает, что именно в XVI в. – а это и есть век окончательного присоединения Новгородской земли к Москве – «ящер окончательно превращается в “супротивника”, который может и должен быть повержен. Обострение идеологического противостояния закрепляется сюжетным основанием иконы, а также образом именно *чудского ящера*». В то же время ящер – он же крокодил, дракон и т.д. – в Европе был символом – через Змееду – большого количества королевских родов и в этом смысле пребывал в противостоянии-слиянии с Георгиевской («Юрьевской»)

символикой Рюриковичей. И сегодня некоторые некогда царствовавшие европейские семейства – а также и ряд крупных международных финансистов – принадлежат к *Ordo Draconis*, и в этом смысле новгородского крокодила как символ можно рассматривать в как лишь внешне (для «профанических» сепаратистов) указующую на «новгородскую демократию», а глубинно – на подданство «Великому Монарху Европы», что в принципе совпадает с европейской, НАТОвско-евросоюзовской ориентацией нынешних «русских сепаратистов». «Крокодил» никакого отношения к демократии не имеет – это такой же монархический символ, как и святой Георгий. Крокодил означает не *гражданство*, а *перемену подданства*.

Однако сегодня как политическое движение сепаратизм выступает именно как национал-демократия, причем в самом этом именовании подчеркивается как родство с германским национал-социализмом и русским национал-большевизмом, так и размежевание с ними (своего рода «псевдоморфоза»). Но главное для «национал-демократии» – не столько ее местонахождение на карте политических идеологий XX-XXI веков, сколько самоопределение по отношению к русской истории в целом. Один из основных идеологов современного псевдорусского сепаратизма Алексей Широпаев пишет об этом так: «Прежде всего, национал-демократия знаменует собой революционный разрыв с имперской государственной традицией и имперской историософией <...> С имперской точки зрения традиция национал-демократии – это попросту крамола, поскольку представляет собой вечную борьбу с Государством и его “ценностями”, начиная с новгородского сопротивления “крещению” и заканчивая нынешним отрицанием “великой победы” <...> Национал-демократия произрастает из той самой “мелкобуржуазной стихии”, что всегда была ненавистна российским государственным властям всех мастей – от царистов до сталинистов <...> Государство Российское, начиная еще со времен Московии, всегда было в большей или меньшей степени тоталитарно и социалистично. Оно всегда боялось среднего класса и боролась с ним, препятствуя его нормальному становлению, ибо наличие среднего класса – это залог становления демократии и нормального национализма <...> Большевики лишь довели до логического завершения вечную борьбу империи с “мелкобуржуазностью”». Ранее, в известной книге «Тюрьма народа» и многочисленных статьях Алексей Широпаев выделял две основные причины формирования имперской «России», враждебной широпаевской «Руси»: принятие Православия, а затем союз Великого князя Александра Невского с Ордой. Из этих двух обстоятельств, по Широпаеву, и выросло единое Российское государство – от св. Владимира и св. Александра Невского до Иосифа Сталина (перед нами, на самом деле, евразийство, только с «обратным знаком»! – в пронизательности Алексею Широпаеву не откажешь...). «Две тысячи лет назад семитский мир – расовый антагонист арийства, – пишет Широпаев – отомстил Европе за свое поражение, отравив ее гнилыми отходами иудаизма – христианством <...> Именно христианский семитизм вызвал многовековую хворь Белого человечества, которую оно потом пыталось превозмочь: в эпоху Возрождения, в период героического европейского романтизма, наконец, в годы германского неоязыческого проекта (1933-1945). Христианство, вызвав страшные опустошения в арийском мире, создало питательную среду для зарождения еще одной семитской заразы – коммунизма, торжество которого означало бы гибель расы как таковой. Наиболее тяжелые потери от христианства и коммунизма понес русский народ. Именно интернационализм православной церкви породил евразийскую схему Российского государства, согласно которой быломu большинству навеки отведена роль донора для различных нацменьшинств <...> Нынешнее катастрофическое положение русского народа, ведущее к полному его исчезновению в течение ближайших пятидесяти лет, – прямое следствие дискриминации русских на протяжении всей российско-советской истории, обусловленной христианством и коммунизмом».

Религиозно-философские взгляды Широпаева, к каковым он пришел, начав с традиционного Православия и монархизма, остаются при нем. Нам здесь, однако, нужно понять, с необходимостью ли вытекает сепаратизм «русских субэтносов», за который сегодня стоит он, даже из *таких* взглядов. И здесь приходится констатировать, что в построении данной схемы Широпаев упускает многие существенные – определяющие! – детали. Империи существовали задолго до, а в рамках одного хронологического цикла и *вне* христианства – все четыре мировых царства пророка Даниила – Вавилонское, начиная с Шумера, Персидское, Македонское, Римское – древний Китай и Индия, Империя Ниппон (Япония), да и та же Монгольская империя Чингизидов. Так что связь между «империей как тюрьмой народа» (по Широпаеву) и христианством не является столь уж прямой. На каком-то историческом отрезке даже наоборот. Первоначальное христианство как раз возникало – по крайней мере как апостольская Церковь (vers. «Вифанская община», состоявшая из лиц царских родов) – именно как демократическое по тем временам, «левое» (правда, «аскетически», а не «гедонистически» левое, с учетом отвержения богатства, «принципа наслаждения», а часто и физической жизни как таковой – через мученичество) движение, и только зрелое Православие Седми Вселенских Соборов стало «имперским», одновременно преодолев также и «иудеохристианство», порождавшего «левый дискурс» «религии рабов» в рамках Империи. «Средний класс» как раз и возник в качестве «авраамической» (будем помнить: Авраам – торговец и пастух) иудеохристианской реакции на уже аристократическое и иноческое Православие и в принципе такой же *средневековый* Римо-католицизм. Сущность среднего класса и исповедуемого им протестантизма как «возврата к Библии», а – культ *соб-*ственности (от *собь*), личной «самости», свободы от государства является как раз и породило «дух капитализма» (труды М.Вебера и В.Зомбарта стали уже общим местом). Поэтому «национал-демократ» Широпаев (равно как и его единомышленник проф. Петр Хомяков) с их одновременной апологетикой дохристианской (и нехристианской) Руси и одновременной опорой на порожденный западным христианством «средний класс» оказываются в абсолютном тупике. Не говоря уже о том, что само слово «Русь» – «раса», «руда», «роса», «красный» – означало именно высшее, воинско-царское, «княжеское» сословие, варну кшатриев, и в этом качестве как раз и было имперообразующим – повсюду, а не только собственно «на Руси». Именно «Русь» как таковая, прежде всего и несовместима с любой демократией – и «средним классом». Или, как сказал в свое время о себе генерал Александр Лебедь, «генерал – демократ это то же самое, что еврей – оленевод».

Противопоставляя русских русскому государству, Широпаев, профессор Хомяков и другие любят противопоставить Русь России, ссылаясь как на Л.Н.Гумилева (читая его «с обратным знаком»), так и на исторические источники: «...название “Россия” искусственного происхождения; оно было составлено, по-видимому, духовенством... и начало входить в царский титул лишь в XVI веке... Искусственность его видим в том, что прежние названия “Русь”, “Русія” были заменены в нем византийским “Россия”» (Д.Н.Анучин, «Великорусы», ст. в словаре Брокгауза и Эфрона, т. 10, СПб, 1892). Однако в старообрядческом и единоверческом богослужении и по сей день используется слово *Русія* (а Патриарх Московский после 1943 года (sic!) именуется Патриархом всея Руси), что свидетельствует как раз о том, что власть Руси как царей, т.е. монархический характер власти стремилось умалить демократически – в библейско-теократическом духе настроенное -духовенство – сначала «боголюбцы», затем Патриарх Никон, и в конечном счете – февральский Синод. Надо понять, что духовенство в целом является на самом деле носителем не монархического, а республиканско-демократического (хотя и не либерального) сознания (без оценок!), о чем в своей диссертационной работе «Православная Церковь в Февральской революции 1917 г.» пишет М.А.Бабкин, собравший огромный материал о стремлении именно духовенства к десакрализации

монархии и замене ее республикой. В этом «языческие» национал-демократы опять-таки сходятся с отвергаемым ими «христианством», апеллирующим к «первохристианству» (а не к Византийско-Московскому Православию), т.е. с западным Протестантизмом. Парадоксально здесь их сближение с «христианскими демократами» (прежде всего такими, как Малер и Фролов). Раннехристианское мировоззрение было действительно по духу демократическим, хотя и не отвергало власти Римского Императора. В его оптике Империя есть «неизбежное зло». Заведомый «мифотворец» и «антикеригматик» Широпаев, сходу отвергая один «миф» в пользу другого, попадает в плен ненавистного ему как раз более всего. Интересно, что единомышленники Широпаева «петербургские» или «ингерманландские» сепаратисты уже **раздают авансы** «неохристианам»: «Не зря сейчас переполошились византисты, заявляя о свободе как о высшей ценности и на чем свет клеймя фюфудью дугинского толка. Смешно сказать, но Малер уловил, откуда ветер дует (как и всегда в таких случаях – В.К.). Посмотрим, хватит ли ему сил развить тему». Впрочем, посмотрим и мы.

Ко всему этому следует добавить и «экзистенциальные» мотивы. Алексей Широпаев – поэт (причем, его в сегодняшней русской поэзии можно назвать единственным полноправным последователем графа А.К.Толстого), который, как и А.К.Толстой в «Иоанне Дамаскине» (впрочем, стремившийся найти компромисс) остро чувствует (если смотреть до конца, до предела и – «точка») с точки зрения христианства взгляд на поэзию как на «демиургизм» и «прелесть». Отсюда *экзистенциальное* (как и у А.К.Толстого) неприятие *православного* государства (а оно было «криптоправославным» даже в пору «государственного атеизма»). Как поэт Широпаев *на стороне крокодила*, на стороне хаоса и восставших ангелов – и это не может быть иначе (для любого поэта). Но принцип «враг моего врага – мой друг» уводит Широпаева в объятия «антипоэтического» и «антихаотического», «антидонисийского» еще более. *Редуцированное* христианское мировоззрение «среднего класса» не *отвергает*, а *игнорирует* (причем, ненамеренно) всякую поэзию – в отличие от Империи, которая поэтов или возвышает, или убивает (что одно и то же). И в этом смысле самому Широпаеву, как это ни парадоксально, в «национал-демократии собственников» *места нет*. Как и другим представителям «литературно-философской богемы» – единомышленникам Широпаева Вадиму Штепе, Илье Лазаренко, Михаилу Пожарскому. Как это опять-таки ни парадоксально, но в Империи они есть и будут. Даже если Империя будет вынуждена в минуту противостояния и смуты «пустить их в расход»: «разве для гностика это имеет значение?», как писал Дугин о смерти Николая Устрялова.

Симбиоз Широпаева и Каспарова, Широпаева и Новодворской, который мы наблюдаем в последние два года, с одной стороны, глубоко логичен, с другой – столь же глубоко противоестественен. Как практически все в российской публичной политике.